

Ужъ дымъ кадилъ между столбовъ
Вился струей, и хоръ звучалъ...
Вдругъ въ церковь служка прибѣжалъ.
Отцу-игумену шепнулъ
Онъ что-то скоро, тотъ вздрогнулъ
И молвилъ: «Гдѣ-же казначей?
Поди, спроси его скорѣй,
Не затеряль-ли онъ ключей?»
И казначей изъ алтаря
Пришелъ, дрожа и говоря,
Что всѣ ключи еще при немъ,
Что не виновенъ онъ ни въ чемъ!
Засуетились чернецы,
Забѣгали во всѣ концы,
И сводъ нерѣдко повторялъ
Слова: бѣжалъ! кто? какъ бѣжалъ?
И въ монастырскую тюрьму
Пошли, одинъ по одному,
Загадкой мучаясь простой,
Жильцы обители святой...

Пришли, глядять: распилена
Рѣшотка узкаго окна,
Во рву притоптанный песокъ
Хранилъ слѣды различныхъ ногъ;
Забытый, на песокъ лежалъ
Стальной, зазубренный кинжалъ;
И польскій шолковый кушакъ
Изорванъ, скрученъ кое-какъ,
Къ вѣтвямъ березы подъ окномъ
Привязанъ крѣпкимъ былъ узломъ.

Пошли прилежно по слѣдамъ;
Они вели къ Днѣпру — и тамъ
Могли замѣтить на мели
Рубецъ отчавившей ладьи.
Вблизи, на прутьяхъ тростника,
Лоскутъ того-же кушака